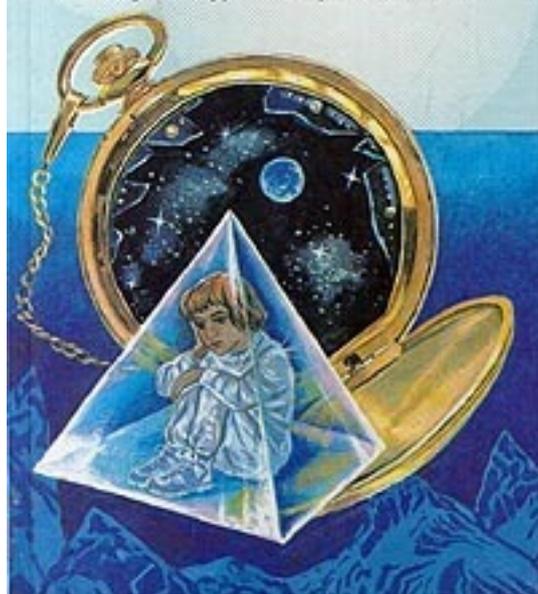

Планета НОРАГАЛЬ

Сборник зарубежной фантастики

Лестер Рей
Крылья ночи

«Public Domain»

1942

Рей Л. Д.

Крылья ночи / Л. Д. Рей — «Public Domain», 1942

В сборник вошли рассказы лучших писателей-фантастов.

Лестер Дель Рей

Крылья ночи

– Черт бы побрал всех марсиашек! – Толстяк Уэлш выплюнул эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. Только дотянули до Луны – и опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсиашка...

– Ага. – Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ и, кряхтя, снова полез в самое нутро машинного отделения. – Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал восемь часов на всю починку...

Сто раз он спорил с Уэлшем – и все без толку. Толстяк – отличный космонавт, но никак не позабудет всю эту чушь, которой пичкает своих граждан Возрожденная Империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле – люди, мол, для того и созданы, чтобы помывать всеми иными племенами и расами. А впрочем, Лейн и высоким идеалам знает цену: тоже радости мало.

Сам он к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов, Да еще солидное наследство – хватило бы на троих – и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, вступал в различные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он ради хлеба насущного перевозит грузы по трассе Земля – Марс на старой, изношенной ракете. На четверть ракета – его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который достиг этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

– Ну? – спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

– Ничего. Не могу я это исправить, недостаточно разбираюсь в электронике...

– Может, дотянем до Земли?

Тощий покачал головой.

– Вряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне. Может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяк повел ракету вниз; посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку.

– Пора бы тут устроить аварийную станцию, – пробурчал он.

– Когда-то была, – сказал Лейн. – Но ведь на Луну никто не летает. Грузовики, вроде нас, не в счет. Странно, какая ровная эта площадка, ни одной метеорной царапинки не видно.

– Стало быть, нам повезло... Эй, что за черт?!

В тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, обе половинки скользнули в стороны – и ракета стала медленно опускаться в какой-то кратер; дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А над головой вновь сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

– Сто шестьдесят миль ниже поверхности! Судя по шуму, тут есть воздух. Что это за капкан, откуда он взялся?

– Сейчас не до этого. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся.

Да, Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело опускается в исполинском кратере, точно на космодроме в Йорке, и занят только тем, что барахлит инжектор, а что ждет на дне, его мало заботит. Тощий вновь уставился на экраны – кто и зачем построил этот капкан?

* * *

Л'ин поворошил кучку песка, выудил крохотный красноватый камешек, которого сперва не заметил, и поднялся на ноги. Спасибо Великим, они послали ему осыпь как раз вовремя, старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно – все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь, хоть щепотку...

Он подобрал корзину, набитую наполовину камешками, наполовину лишайником, которым заросла эта часть кратера. Растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и отправил в рот. Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный. Если бы еще хоть крупицу меди...

Л'ин печально вильнул гибким хвостом и побрел назад, к себе в пещеру. Он мельком взглянул вверх. Луч света, постепенно слабея, слой за слоем пронизывал воздух: там, где пока-тые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Л'ина, а свод все держался, хоть опорой ему служили только стены – неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер; единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Свод построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя Л'ина напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтоб не улетучивался.

Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, оно отнимало у молодых силу и надежду. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, не смея выйти на поверхность планеты? Они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины рассыпались в прах, племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, которые могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец – горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Л'ин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Л'ин – один в кратере...

Вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он вошел к себе. В глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Л'ин отвернулся от детской грядки.

Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли – и зерна, зреющие в нем, могли бы дать ростки. Или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, – и проросли бы уже посеянные семена... Каждый из племени Л'ина носил в себе и мужское и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети.

Но, как видно, не суждено...

Л'ин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочились из последней трубки и падали в каменную чашу капля за каплей. Но и эта жидкость не издавала хотя бы самого слабого запаха медной соли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.